

Дарья Волкова
МАНДАРИНКА
на
НОВЫЙ ГОД

Издательство АСТ
Москва

Думать, что половой акт — самостоятельная функция, в такой же степени необходимая, как сон и еда, по-моему, есть величайшее невежество.
Мохандас Карамчанд (Махатма) Ганди

Пролог,

*в котором Николай Самойлов неосторожно
проявляет ловкость*

В банкетном зале шум, смех, сумятица. Толпа гостей расступается, и в центре появляется широкоплечий рыжеволосый парень с короткой стрижкой и в тёмно-сером костюме. В его могучих руках изящный букет из бледно-розовых и палевых роз, который кажется совсем крошечным и каким-то даже игрушечным, зато выражение изумления на его лице — совершенно искреннее и настоящее.

— Николай! Ты зачем девчонкам праздник испортил? Какого ляда ты букет поймал? И как ты вообще среди них очутился?!

— Я не очутился! — оправдывается хмуро парень. — Я в туалет выходил. В зал захожу — а оно мне в голову летит! А у меня рефлекс, между прочим! Я восемь лет вольной борьбой занимался!

— Боюсь, что все эти восемь лет тебе не помогут, — засмеялся моложавый отец невесты, — когда девчонки за тебя возьмутся. Ты же у них букет невесты перехватил.

— Да нужен он мне! — Парень оглядывается. Всовывает букет в руки оказавшейся рядом девушке. — На, Соня, держи! Раз он тебе так нужен.

— Я не Соня, я Люба!

— Да какая разница! Букет держи.

Глава первая,

в которой Любовь Соловьёва начинает совершать совершенно неожиданные и удивительные поступки

-Я вам точно не нужен?
— Николай, исчезни с глаз моих, пока я тебя отпускаю! Смотреть на тебя тошно — того и гляди на месте отключишься.

— Да я еще ничего, нормально...

— Вижу я, как ты «нормально». Весёлая у тебя выдалась ночка.

— Ну, по вашим меркам ничего особенного.

— Молод ты еще свои дежурства моими мерками мерить! Всё, марш домой — отдыхать и к Новому году готовиться.

— Владимир Алексеевич, не надо со мной нянчиться и скидки мне делать только потому, что вы с моим отцом дружите. Я справлюсь. Я в порядке.

— А уж указывать мне, что делать и с кем нянчиться — так это ты два раза молод, ясно? Всё, иди домой. Это приказ заведующего, понял меня?

— Так точно, — со вздохом кивнул молодой ординатор.

— Отцу мои поздравления с Новым годом, Юлии Юрьевне — сердечный привет.

— Передам.

— Давай! С наступающим, Николай Глебович!

4 Увидимся в следующем году.

— И вам всего хорошего, Владимир Алексеевич.
Привычно насупившись, Николай Самойлов вышел из кабинета заведующего детским хирургическим отделением.

* * *

— Марк, ты меня обманул!

— Ну что ты, Люба, нет, совсем нет!

— Ты сказал, что мы будем встречать Новый год с твоими друзьями!

— Я сказал, что мы будем встречать Новый год в квартире моих друзей, — оправдывается стройный блондин с тонкими чертами лица. Он обводит рукой пустую гостиную. — Это и есть их квартира. Я не обманул, дорогая моя... — Он попытался погладить девушку по щеке.

— Не передёргивай! — Она отступает на шаг, негодующая и от того еще более красивая. — Я же тебя спрашивала, что за люди, что за компания! И ты мне сказал, что они милые, веселые и интересные люди!

— Так оно и есть. Они превосходные и занятные люди, — подтверждает Марк. В его тоне откровенно слышится плохо скрываемое довольство собой.

— Ну и где эти твои во всех отношениях замечательные люди? Они невидимки?

— Встречают Новый год в Финляндии.

— Марк!

— Но что ты так злишься, радость моя? — Он привлёк девушку к себе, несмотря на то что она противилась. — Люба... Люба... Любушка моя... — Марк обнял ее, прошептал на ухо: — Разве это не здорово — встретить Новый год вдвоём? Только я и ты. Я подготовился. В холодильнике шампанское и куча всяких вкусностей. Твой любимый фруктовый салат и взбитые сливки. Я надеюсь, что ты позволишь не только заправить сливками салат, но и слизать их откуда-нибудь... с тебя. — Тут его рука накрывает небольшую, но идеальную грудь под тонким черным трикотажем.

— Прекрати! — Она резко убирает его руку. Слова Марка кажутся ей ужасно пошлыми и вульгарными, но вырваться из крепких объятий у нее не получается.

— Ну, прости, прости... — примиряюще шепчет он. — Но ты же знаешь — я схожу по тебе с ума. Я не торопил тебя — понимаю, что такая девушка, как ты, заслуживает всего: подарков, долгих ухаживаний. Ты должна узнать меня получше, доверять мне. Но, солнышко... — Марк жарко дышит ей в маленькое изящное ушко, — мы уже столько вместе. Мне кажется, пора... Это очень красиво и символично: начать новый этап наших отношений в новогоднюю ночь. Встретить Новый год в постели. Знаешь, говорят, что как встретишь год, так его и проведёшь.

— Ты отлично сказал о доверии, Марк! — Ей все-таки удаётся высвободиться из его рук. — Скажи мне, как я могу доверять человеку, который обманул меня?

— Зая, но это же ради нас...

— А меня спросить?

— Неужели ты совсем меня не хочешь, солнышко?

Такой прямой вопрос в лоб, что не отвертишься.

— Я хочу, чтобы мой друг не обманывал меня! — наконец нашлась она. — А ты мне заведомо солгал! Это нечестно, Марк!

— Заинька...

— Я ухожу!

— Любочка, ну куда ты пойдёшь? — Он попытался ее перехватить, но она ловко увернулась. — Без пяти одиннадцать, ты понимаешь? Останешься без звона курантов.

— Перебьюсь как-нибудь! — бросила она, торопливо натягивая короткую тёмно-коричневую норковую шубку.

— Люба, не дури! До Нового года — час!

— Мои проблемы. — Она застегнула молнию на сапожках.

— Будешь встречать Новый год на улице?

— Захвачу с собой главный символ праздника! — Она выпрямилась и посмотрела Марку в глаза.

— Ёлку?

— Мандарин! — Она взяла из вазы мандаринку, показала ее Марку и быстро сунула в карман. — Пока! Увидимся, когда ты подумаешь над своим поведением и осознаешь, что обманывать дорогую тебе девушку, даже из лучших побуждений, — нехорошо!

— Люба!..

Но входная дверь прощально хлопнула, и он остался один. Марк разозлился. Вот же стерва! Он привалился

к стене. Динамит его который месяц. Но как же хороша! Личико, фигурка, но характер... Темперамент в постели, наверное, бешеный, только ломается долго. Надо придумать что-нибудь другое, чтобы ее в постель затащить. Честно говоря, устал уже ждать, но она определенно стоила потраченных усилий. Марк отталкивается от стены. Надо пойти открыть шампанское. Проводить старый год и заодно пораскинуть мозгами, как же ему все-таки затащить в кроватку неуступчивую красотку Любашу.

* * *

Всё в жизни когда-то случается в первый раз. Например, ты в первый раз оказываешься в последний час уходящего года на улице, в малознакомом районе, без малейших идей, куда идти. А и в самом деле — куда? Дома никого, родители отмечают праздник с друзьями в ресторане. Сестра встречает Новый год у себя дома, с мужем и маленьким сынишкой, да и в любом случае к Наде с Виком Люба до двенадцати не успеет — это на другой конец города. Домой, в пустую квартиру, торопиться и вовсе не хочется. И что делать? Встретить Новый год на улице, как предсказал ей Марк? А всё он виноват! Интриган чёртов! Если бы предупредил хотя бы...

Если рассуждать хладнокровно, то Марк прав. Их отношения давно пора переводить в горизонтальную плоскость. Хорошо воспитанный, в меру интеллигентный молодой человек из хорошей семьи, симпатичный, умеет красиво ухаживать. Собственно, стоит уже осчастливить парня тем, чего он так хочет. Заслужил, как минимум, своим долготерпением. И она себя настраивала на это. Просто вот так, с бухты-баряхты, — нет, так она не может. Для этого нужно же собраться с духом и признаться Марку, что она... она... она в свои двадцать пять лет девственница! Идиотка, другими словами.

Люба шла по улицам, мерцающим всевозможными новогодними огоньками. Светло как днём, празднично. Удивительно многолюдно. Она даже не представляла, что за несколько минут до Нового года на улицах столько людей. Почему они не дома, не сидят за праздничным столом? Вот почему она оказалась в это время на улице, Люба

совершенно точно знала. Из-за Марка! Шагая по незнакомой улице в совершенно неизвестном, случайно выбранном направлении, она размышляла. Как, пропади всё пропадом, она попала в это нелепое положение? Которое, между прочим, с каждым годом всё усугублялось. Если сейчас, в двадцать пять, ей неловко признаться парню, что у нее отсутствует сексуальный опыт, то что будет в тридцать? Нет, мысль странная, так далеко загадывать не стоит. И вообще, будет день — будет и пища. Надо жить настоящим.

А может быть, решить эту проблему радикально? Люба как-то в приступе ничем не обоснованного мазохизма произвела поиск в Интернете. Угу, нет ничего невозможного в наше время. Но... «искусственная дефлорация» — это звучало ужасно! Еще ужаснее, чем признаться в том, что ты совсем новичок в делах постельных. Нет уж, лучше все-таки как-то... как-то собраться с духом и решиться. Пока не поздно.

Самое обидное, что виновата в этой абсурдной ситуации оказалась Люба сама. Не было никакой возможности обвинить во всем чрезмерно строгих родителей, пуританское воспитание или психологическую травму детства и юности, как это было модно. Фиг вам, что называется. Нет, и родители у нее вполне нормальные, не ханжи, и на тему сексуального воспитания с ней и сёстрами мама говорила. И не только мама, к слову сказать, но и друг их семьи, хороший женский доктор тётя Даша Тихомирова. Уж после ее лекций вопросов точно не оставалось. Только вот теория у Любы кардинально разошлась с практикой. Причём из трех сестёр — только у нее одной. Собственно, если уж говорить совсем откровенно, именно тот факт, что их трое, и лежал, наверное, в основе ее теперешнего дурацкого положения.

Люба хмурится, прячет лицо в широкий ворот пушистой шубки. Попа и бедра начинают подмерзать в узких кожаных штанишках со щегольским золотистым напылением, но она упрямо продолжает идти, сама не зная куда, думая о своём.

Она обожала сестёр. Представить не могла, что можно жить как-то иначе — когда твоё правое и левое плечо не прикрывает по личному ангелу-хранителю. Ну, или по бесу-пакостнику — это по версии папы. В любом случае, то, что их трое — это было одной из основ ее личной все-

ленной. Это с одной стороны. А с другой... Ужасно хотелось быть единственной. Хоть для кого-то. Не было ни малейших сомнений в том, что она бесконечно любима родителями. Но она одна из трёх обожаемых дочурок. Одна из трёх.

Она для всех была одной из трёх сестёр-близняшек Соловьёвых.

Сестрёнок Надю и Соню это, похоже, совсем не беспокоило. А вот у самой Любы вызывало неконтролируемое желание чем-то отличаться от сестричек. Быть непохожей. Другой, не такой. Хоть в чем-то, а лучше — во всём. В том числе и... В общем, сейчас она пожинала плоды этого детского желания быть оригинальной, ни на кого не похожей.

Пока Надя и Софья постигали премудрости науки любви плотской, Люба гордо задирала нос и утверждала, что достойных кандидатур нет. Потом вошла в роль. А потом стало просто стыдно признаваться. По современным вольным меркам она была уже старой девой, иначе не скажешь. Когда она представляла себе диалог с потенциальным... избранником, то даже не могла вообразить, как она это ему объяснит, какими словами. Зато отчётливо представляла, что увидит на лице того, кому выпадет «честь». Жалость, недоумение. Смех, может быть.

Люба поморщилась, представив это воочию.

Именно из-за страха увидеть всё это, в первую очередь — насмешку над собой, она изображала пресыщенность и отсутствие интереса. А на самом деле она просто лузер. Секс-лохушка. Смешно, если кому рассказать. Но она с кем попало этим секретом делиться не собирается, а вот ей самой на эту тему смеяться давно уже не хочется. Ведь не рассосётся само собой. Надо что-то с этим делать. Надо... Но сегодня она в очередной раз струсила.

Нетрезвый голос вывел ее из задумчивости:

— Девушка, а пойдёте с нами Новый год встречать!

Люба усмехнулась. Отшивать на раз, не теряя собственного достоинства и не оскорбляя, — этим навыком все сёстры Соловьёвы владели в совершенстве.

— Простите, спешу к любимому. — Она улыбнулась и действительно прибавила шаг.

— Эх, повезло кому-то! — крикнули ей вслед.

Угу, повезло. Знать бы еще кому.

Налетел порыв ветра, и она зябко поёжилась. Взгляд на часы — половина двенадцатого. Улицы опустели, все разбежались по домам, в тепло, к ёлкам, салату и шампанскому. А она тут, на промёрзшей улице. Внезапно заципало в глазах и носу. Жалко себя стало просто до слёз. Тут же всплыла в памяти андерсеновская «Девочка со спичками». Как так вышло, что она, Люба, дочь любящих родителей, обладательница двух сестёр, души в ней не чаявших, и кучи друзей и знакомых самых разных мастей, умница-красавица и прочее, оказалась в самый канун Нового года на улице, черт знает где? А где она, кстати? Люба оглянулась по сторонам. Странно знакомый перекрёсток... Напрягла память и зрение, выискивая еще детали в окружающих домах. Точно! Где-то здесь недалеко живут Самойловы!

Милая и интеллигентная тётя Юля, уютный и невозмутимый дядя Глеб, «рыжий орк» Варька, с которой всегда можно посмеяться, и «звероящер» Колька, с которым просто спокойно и надёжно. И тут же ей смертельно захотелось в тепло и уют квартиры Самойловых. Вспомнить бы еще, куда идти!

Еще двадцать минут стремительно уходящего года были потрачены на поиски нужного дома. Попытки дозвониться до Вари или Ника и уточнить адрес не увенчались успехом. Сеть занята, новогодняя ночь вступила в свои права. В конце концов, она нашла нужный дом. Но у подъезда ее поставил в тупик домофон. Помнит этаж. Помнит расположение квартиры, но какой номер? Тут, видимо, судьба решила ее пожалеть, и дверь сама распахнулась перед уже порядком подмёрзшей Любой. Из подъезда вывалился гражданин, явно успевший давно начать празднование.

— Ой, какая снегурка-а-а...

— И вас с наступающим! — пискнула Люба и проскользнула в подъезд. Лифт ждать не стала, что там, четвёртый этаж, делов-то. И по лестнице дробно застучали ее каблуки.

У двери квартиры Самойловых она перевела дух, посмотрела на часы. Без десяти. Отлично, она укладывается. Давя на кнопку звонка, Люба ощущала практически спортивный азарт. Она успела. Успела!

Спустя полминуты от этой уверенности не осталось и следа.

Никто не торопился открывать ей дверь. А с чего она, собственно, решила, что Самойловы встречают Новый

год дома? Вот в квартире Соловьёвых, например, сейчас темно и пусто. И у Самойловых, похоже, та же самая ситуация.

Люба устало привалилась к стене рядом с дверью. Перспективу встретить Новый год на улице сменил вполне реальный шанс сделать то же самое в подъезде. Здесь, конечно, теплее, но в целом... И вдруг загремел замок, Люба обернулась к двери. Та распахнулась. В дверях стоял звероящер Колька собственной персоной. Звероящер хмуро и недоуменно разглядывал ее, потирая ладонью грудь. На нём были изрядно помятые пижамные штаны в красно-белую клетку. На лице рыжая щетина и тёмно-розовое пятно на плече.

Люба улыбнулась.

— Привет.

— Привет, — невнятно промылчал Ник, маскируя своей здорovenной лапищей богатырский зевок.

— Войти можно?

— Угу. — Еще один зевок на грани риска вывиха челюсти. Он отступил на шаг. Пригласил: — Заходи, Люб.

Она вошла в прихожую, захлопнула за собой дверь.

— А с чего ты решил, что я Люба? — Фраза, в общем-то, дежурная для их троицы.

— Методом дедукции вычислил.

— А ну-ка? — Коля у сестёр Соловьёвых всегда вызывал желание его подколоть, и сейчас она тоже не смогла удержаться.

— Ну Соня, кажется, в Париже, а поскольку рядом нет Витьки, то ты и не Надя. Значит, ты Люба.

— Просто Шерлок Холмс и доктор Ватсон в одном лице! — фыркнула Люба. Станный разговор у них начался все-таки. А время идёт, она бросила взгляд на настенные часы у Ника за спиной. Семь минут до Нового года. — А что, Витя с Надей, например, поссориться не могут?

— Могут. Они это и делают, по-моему, с завидной регулярностью. Но как бы они ни ругались, Витька свою ненаглядную на ночь глядя из дому не выпустит. Слушай, — Николай, похоже, окончательно собрался с мыслями, — а ты чего пришла-то?

Прямой вопрос. Ответа нет. Лучший способ защиты — это нападение.

— А ты что, спал, что ли?

— Угу. — Словно в подтверждение своих слов он разводит руками, а потом поднимает их вверх и сладко, совершенно по-кошачьи, потягивается. — Спал. Хорошо так спал. Пока меня не разбудили.

Она его почти не слышит. Гадает — свалятся или нет сползшие совсем до границы приличия от потягивания клетчатые штаны. И почему-то вдруг вылезают на первый план детали. На которые ей раньше бы и в голову не пришло обращать внимание. Например, что у него абсолютно гладко выбритые подмышки. И грудь у него тоже гладкая, но это всё же, наверное, от природы, а не от бритвы. А еще — фигура у него просто отличная. На ее вкус, его, конечно, многовато, но многовато соразмерно. Всё, как надо — плечи, руки и даже пресс. На котором, кстати, как раз растительность есть — в виде тонкой полоски тёмно-рыжих волос. Нет, это всё-таки неприлично — так разглядывать парня, тем более что ты его знаешь как облупленного. Или всё же не знаешь?..

— Люб, ты мне так и не ответила: ты зачем пришла? Ты к Варьке? Так ее дома нет, гулеванит где-то, родители тоже в гостях. Я один. Мои завтра, в лучшем случае, к обеду дома появятся.

— Нет, я не к Варе. К тебе. — Люба сама удивилась своим словам. Само вырвалось как-то...

— Да? — Рыжие брови взлетают вверх. — А... зачем?

— Считаю тебя предвестницей праздника и внучкой Деда Мороза! — Она горделиво вздёргивает подбородок. — А то ты, как я вижу, собрался Новый год проспать.

— Чего я там не видел? — усмехается Ник. — А я устал как собака. С дежурства.

— Непорядок, Коля! Так нельзя. Смотри... — Люба пальчиком указывает ему за спину. — Через пять минут придёт Новый год, а ты небрит и в одних штанах.

Он поворачивается к часам. Какая же у него шея мощная! И неожиданно красивый профиль.

— И правда. — Николай потирает рукой шею. Бицепс внушительный, однако. — Скоро уже. И чего делать будем?

— Встречать! — безапелляционно отвечает Люба.

Она наконец-то сбрасывает капюшон и снимает перчатки. Засовывает перчатки в карманы шубки.

И тут пальцы нащупывают что-то гладкое и круглое. Трофейная мандаринка.

— Ого... — подаёт голос Ник. — А это что?

— Ты о чём?

— Ну-у... — Он делает какой-то неопределённый жест вокруг своей головы. — Что у тебя... с причёской?

— Не нравится? — Она добавляет во взгляд и интонацию надменности. — А говорили, что мне идёт эта стрижка.

— Ну так-то да. — Колька нисколько не обескуражен ее недовольством. — Симпатично. Но всё равно стрижка какая-то... как у мальчишки. Совсем коротко.

Ну да. Очередная попытка быть «не как сёстры». Отца чуть инфаркт не хватил, когда она явилась домой с этой ультракороткой хулиганской стрижкой. «Необычно и стильно» — вынесла вердикт мама. А папа еще целый месяц ворчал и дулся на нее. «Как можно было такую красоту состричь!» Да элементарно. Зато теперь ее с сёстрами не спутаешь.

— Кто бы говорил, — парирует Люба. — По сравнению с твоими двумя сантиметрами у меня локоны!

— Это точно, — усмехается он, проводя рукой ото лба к затылку по рыжему «ёжику».

Странная у него улыбка. Мягкая и какая-то... словно за ней прячется что-то, какой-то второй смысл. Вот же чушь в голову лезет.

— С наступающим, Самойлов. — Она протягивает ему на раскрытой ладошке ярко-оранжевый мандаринчик.

Ник какое-то время смотрит, наклонив голову, сначала на плод, потом на нее.

— Спасибо. — Он забирает цитрус. — Ну и это... Раз уж пришла. Раздевайся, что ли.

Виной всему Марк и то, какое направление приняли ее мысли благодаря ему в течение последнего часа. Но на слово «раздевайся» в исполнении Коли Самойлова у нее мелькнула совершенно неприличная ассоциация. Никак не связанная с прихожей, шубой и не до конца проснувшимся другом детства. И такая ассоциация ее просто взбесила. Люба тут же решила сорвать злость на отвратительно невозмутимом Звероящере.

— Между прочим, воспитанный человек помог бы даме разоблачиться!

Ни дать ни взять — выпускница пансиона благородных девиц в ней заговорила. И откуда взялась, спрашивается? Вот и Ник удивился.

— А где ты тут воспитанных увидела? — Колька огляделся по сторонам с намерением пристроить мандаринку, а потом, недолго думая, сунул ее себе в рот, зажал зубами. Выглядел при этом... Ну, а какой спрос со звероящера? Изобразил рукой круговое движение, Люба поняла его пантомиму и повернулась спиной. Он помог ей снять шубку, а от нечаянного прикосновения тёплых пальцев к шее волна дрожи вдруг прокатилась от затылка до самого... до попы, если честно.

— Разуваться воспитанные люди тоже должны дамам помогать? — Судя по чёткости речи, Самойлов вытащил мандаринку изо рта.

— Дама сама справится, — буркнула Люба, нагибаясь. А когда снова приняла вертикальное положение...

Всё когда-то случается в первый раз в жизни. Например, ты в первый раз в жизни стоишь и смотришь... нет, даже не смотришь — любишься, как парень, которого ты в детстве лупила совком по голове, чистит мандарин. Оранжевый шарик, который занимал всю ее ладонь, в его руках кажется совсем крошечным. Пальцы у него длинные, и он очень ловко ими раздевает мандаринку. Раздевает? Раздевает?! Да что она на этом «раздевайся» заиклилась? Ник между тем пристроил кожуру на тумбочку, развалил очищенный фрукт напополам и одну половинку целиком засунул себе в рот, после чего сразу стал похож на здорового хомяка. Или на страдающего флюсом звероящера.

Еще один тревожный взгляд ему за спину. Три минуты до Нового года!

— Хочешь?

Нет, на самом деле он издал совершенно нераспознаваемую последовательность звуков, но она догадалась о смысле по протянутой ей второй половинке.

— Самойлов, тебя в детстве не учили, что нельзя разговаривать с набитым ртом?

Он отрицательно помотал головой и принялся энергично жевать. Дёрнулся кадык, когда он слотнул. Все-таки шея у него мощная, наверное, с ее бедро толщиной.

Из уголка рта выбежало немного оранжевого сока, он его совершенно по-детски слизнул, параллельно разделявая оставшуюся часть мандаринки на дольки. Люба резко отвернулась, расправляя складки на висящей шубе. Что за хрень с ней происходит, кто ей объяснит?

Она обернулась. Ник методично добивал цитрус и смотрел на нее... как-то странно? Или ей уже всё мерещится? Она снова взглянула на часы за его спиной. Тонкая стрелка отсчитывала последние секунды уходящего года. Двадцать... девятнадцать... восемнадцать...

Она перевела взгляд на Ника. Он смотрел на нее. У него ярко-голубые глаза, особенно яркие на фоне рыжих ресниц. Губы блестят от мандаринового сока. Оголённые плечи, наверное, гладкие и тёплые, а волосы на голове, наоборот, кажутся жёсткими. Десять... девять... восемь... На последних секундах уходящего года она сделала шагок, потом еще один. Закинула руки ему на шею, притянула к себе. Приподнялась на мысочки и поцеловала в мягкие, пахнущие мандарином губы.

Глава вторая,

*в которой неожиданные и удивительные поступки
герои совершают уже вдвоём*

Поначалу он, конечно, офигел. Но, к чести Коли Самойлова надо отметить, что пребывал он в состоянии растерянности недолго — инстинкты звероящера дали себя знать. Еще до того, как Люба успела опомниться, спохватиться или хотя бы задать себе вопрос «какого черта она делает?», его руки пришли в движение. Одна легла на ее поясницу, другая на затылок. Он прижал ее к себе, и незаданный вопрос так и остался в глубине ее сознания, там же, где пребыва-